

Александр Курляндский:

Не могу доказать, что я — автор «Ну, погоди!»

Век Москва — 1998 — 4 июня — с. 12.

Кстати, об ужине. Волк никогда не съест Зайчика. Один из создателей славной пары «Ну, погоденышей» — Александр Курляндский — заверил меня, что самая страшная опасность, грозящая Зайчику, быть отодранным за уши.

Евгений НЕКРАСОВ

Фото Евгения НЕКРАСОВА

Н у разумеется, не съест. Ведь они не животные, а два клоуна, и оба мне одинаково симпатичны. Разве погоня клоунов может закончиться чьей-то гибелью?.. Я сдал в издательство «Самовар» книжку о новых приключениях Волка и Зайчика. Зайчик там достаёт из сказки второго волка, Кузьму. Вот он животное, настоящий серый волчище, и когда уже два волка гоняются за Зайцем, тут и становится видна разница характеров.

— А почему книжка, а не мультфильм?

— На фильм нет денег. Конечно, это довольно мучительный процесс — переводить мультипликационных героев в героев литературных. Для той же погони нужна мотивация, нужно прописывать характеры. У меня одна главка так и называется: «Почему волки зайцев не любят». У Зайчика папа учитель, мама воспитательница в детском саду, а Волк из подворотни, и там они встречаются: «Все потому, что у тебя папа очкастый, потому, что ты пиво не пьешь!»..

— Теперь, выходит, уже двум волкам суждено оставаться голодными. Александр Ефимович, я помню ваш необыкновенный салат с бананом, а на прошлой неделе смотрю — вы в передаче «Смак» у Макаревича готовите харчо. Откуда такое хобби?

— В России всегда были к еде равнодушны. Думаю, одна из причин — отзвуки войн и голода. Я первый раз увидел белый хлеб лет в пятьдесят, когда вернулся из эвакуации, из Свердловска. Попробовал — это для меня был потрясающий новый вкус! А вечером пришли гости, и батон разрезали на кусочки. Я плакал. Было жалко, что они едят мой белый хлеб... А готовить я научился по необходимости и от лени. Однажды жена куда-то уехала, работа у меня шла, и я, счастливый, три дня сидел за пишущей машинкой. Оброс щетиной, съел все, что было в холодильнике, и выбежал за продуктами еще на три дня. По принципу «где меньше очередь» купил большой кусок мяса и брынзы. Сварил бульон, а картошки, чтобы заправить суп, нет. Думаю: а кину-ка я туда брынзу! Добавил чеснока, лука, и получился отличный суп. Потом приехал мой болгарский переводчик Стефан. Я ему рассказал, что сам придумал такое

блюдо. Он и говорит: да это же традиционный болгарский суп ты сварил!

— И после этого...

— После этого я иногда смотрю и вижу, что если в такое-то блюдо добавить то-то и то-то... Моя жена делает салат просто из салатных листьев, только приправляет уксусом и еще чем-то. А я крошил туда бананчик, он дал сладость — получилась такая вкуснота! И еще я придумал, например, кислые щи с гречневой крупой.

— Вы коснулись больной темы. В представлении большинства граждан если человек не ходит на службу и сам планирует свой рабочий день, то он «не работает». А между тем...

— Представьте: я демобилизовался из армии, Хайт, с которым еще во студенчестве мы писали капустники, уволился с работы, и мы стали жить литературным трудом. Оба из инженеров, обоим никто в литературе не ждал, и надо было самоутвердиться, пробиться, наконец, прокормиться. Ну и сам процесс доставляет удовольствие. Мы, как наркоманы, ждали, когда наступит минута садиться за работу, не могли без этого жить. Работали без выходных часов с десяти утра до девяти вечера — мы «совы». Я приходил от Хайта домой и падал замертво.

— А родители, наверное, косились.

— Для каждого советского человека, который встает на работу в семь, тот, кто встает в девять, уже тунеядец и лодырь. Я чувствовал пассивное сопротивление родителей. Скажем, уходя на работу, они включали на полную мощность радио, чтобы меня разбудить. А то ведь это какой-то «не наш» образ жизни, если человек спит до девяти... После «Ну, погоди!» к нам стала приходить известность, и они смирились. Отец говорил приятелям: «Как тебе это нравится? Я всю жизнь шутил бесплатно, а ему платят за это деньги!»... И еще он любил говорить, если я что-то забывал: «Рассеянность присуща талантливым людям, откуда она у тебя?».

— А как вы познакомились с Камовым и Успенским — другими вашими соавторами?

— Подружились мы на эстрадной программе для Лифшица и Левенбука и потом в разных составах что-то

делали, например, «Ну погоди!» — Камов, Курляндский, Хайт. Собирались у кого-нибудь на квартире и работали как проклятые. Кстати, единственный просвет — это перерыв на обед. Тут уж каждый старался выложиться, предложить что-нибудь вкуснее. Хотя какие тогда были вкусности? Я покупал тушенку и распускал ее либо с гречневой кашей, либо с картошкой. В кулинарии ресторана «София» фантастически дешево продавалось «ассорти молодого барашка» — и ребрышки, и печеночка. На рубль пятьдесят отвешивали столько, что одному съесть все было невозможно. Вкуснятина потрясающая: на сковородочку с лучком...

— В общем, «какое там Гаити, нас и здесь неплохо кормят!»... Мне кажется, основа успеха — это симпатичный персонаж, запоминающийся по одной-двум фразам.

— Да. Я не могу назвать ни одного бестселлера, который не имел бы яркого героя. Есть герой — его начинают любить, про него хотят как можно больше знать, и срабатывают законы сериала: а что там с ним дальше было? Хотя планировать успех невозможно. Тот же попугай Кеша и котик, чью фразу ты вспомнил, появились достаточно случайно. Нам с режиссером Валеи Караваевым закрыли взрослый мультфильм. Это была притча: старомодный поезд отправляется с вокзала, ускоряет ход, меняются костюмы пассажиров, бипланчик пролетел, побомбил — первая мировая война, раненные появились, поезд мчится все быстрее, и только один герой, мультипликационный Чаплин, все продолжает жить в том первоизданном ритме... Ну и возникли идиотские вопросы: наш этот человек или нет, а если наш, то за окном кто — наши или не наши?

— Дед Мороз наш или фашист?

— Вот-вот. Снимать фильм нам запретили, запуск было жалко упускать, и мы за два дня придумали историю с Кешей. Караваев рассказывал, как однажды зимой увидел на заснеженной ветке яркий тропический комочек: попугай улетел из форточки и не знал, куда возвращаться... Но фильма еще не было. Вот когда Кеша запел «Родительский дом, начало начал», я понял, что у нас получается. Эта фраза продиктовала его характер... Как и с «Ну, погоди!», мы не рассчитывали, что приключения Кешы станут сериалом. А сейчас у меня распродано уже три тиража новых приключений Кешы, и возникла идея сделать другую книжку — приключения от лица кота. А следующая книжка — от лица вороны.

— Книжки выходят, видеокассеты продаются...

— Вопрос понятен. Да, денег, чтобы запустить полноценный сериал, по-прежнему нет. И книги мои, и кассеты издаются огромными тиражами по-пиратски. Я ничего с этого не получаю. Если подходить цивилизованно, доход от удачно придуманного персонажа — это доход от целой индустрии: и книги, и кассеты, и, скажем, зубная паста «Ну, погоди!», которую кто-то выпускает в Болгарии, не платя мне ни копейки. Буквально сейчас придут ребята из нового фонда защиты интеллектуальной собственности. Они уже выиграли в суде одно мое дело, а сегодня обещали привести представителей фирмы, которая выпускает кассеты и согласилась выплатить мне за весь тираж. Но это же надо было их найти! Их самих обманули: сказали, что авторские права принадлежат «Союзмультфильму»... Производители ценностей у нас неправомерно унижены по сравнению с теми, кто удачно спекулирует. Шахтерские забастовки это показывают: люди ломаются под землей и ничего не получают, а на них жируют посредники, строят виллы... В Сеуле мне показали билдинг, который купил один бывший бедный художник. Он создал всего три комикса, которые стали хитами. Я не говорю об абсолютной ценности комиксов по сравнению с углем. Но факт тот, что человек, который производит продукцию, он в большом порядке! У нас же законы очень расплывчатые. Например, можно ли считать автором анекдота человека, который вам его рассказал?.. Так вот, у нас можно. В Питере записали своими словами сюжет «Ну, погоди!», издали книжку, моей фамилии там нет... И два года я с ними сужусь и не могу доказать, что я — автор «Ну, погоди!».